

Нью-Йорк
19 августа 2005г.

Это письмо я начал писать давно, по приезде из командировки в Кению. Письмо затянулось, хотелось живописать для вас все подробности двухдневного сафари, которое помогли мне организовать мои найробийские коллеги. Особенно чутко ко мне отнесся Игорь Панин: он купил билеты и заплатил за место в лагере в заповеднике. Я очень благодарен ему за эти едва ли не самые интересные два дня моей жизни.

Перед самым отъездом, однако, все чуть не сорвалось: на мой мобильник (я в это время ожидал на платформе поезда, чтобы поехать на работу) позвонил коллега: «Слав, меня вызвала начальница, спрашивала, не могу ли я приехать в Найроби на 2 дня пораньше – там будет работа на выходные. Я сказал, что я уже не смогу поменять билеты (коллега летел через Москву - заодно провести родину). Но я ей сказал, что ты и так прилетаешь туда за 2 дня - на сафари. Сейчас я опять иду к начальнице. Могу я ей сказать от твоего имени, что ты поработаешь на выходные?»

«Нет, - говорю я, до глубины души тронутый таким беззаветным проявлением заботы обо мне, - позволь уж мне самому поговорить с ней от своего имени. Если ты, конечно, не возражаешь». «Ну, давай», - согласился коллега. Тон у него был обиженный. О, людская неблагодарность...

Позвонил в Найроби. Работа на выходные хоть и будет, но с ней вполне справятся своими силами. А деньги за сафари уже не вернут. Окрыленный надеждой, пошел к начальнице. Та проявила понимание...

Полет прошел неинтересно: не предложили ни массажа, ни пожара (см. предыдущее письмо о Маврикии). В Цюрихе была пересадка, я купил для найробийцев шоколадных трюфель, которые были изготовлены за несколько часов до этого.

В Найроби прилетел вечером, на дорогу (включая дорогу от дома в аэропорт) ушло 29 часов.

Встречал меня чернокожий молодой человек по имени Оливер, подряженный возить меня всю неделю (общественный транспорт в Найроби если и есть, то очень хорошо замаскирован: я, во всяком случае, его обнаружить не смог). Он вручил мне пакет от Панина, в котором был авиабилет в заповедник Массай Мара с вылетом на следующее утро и мощный японский бинокль. По мобильнику Оливер связался с Игорем, который предупредил меня, что гостиница моя очень простая, без излишеств. Таковой она и оказалась. Даже название русскому уху ничего хорошего не сулило: «Сирона». Но я был настолько уставшим, что не обратил особого внимания на неказистое одноэтажное строение, полутемный коридор с обшарпанным ковровым покрытием и всепроникающий запах жареной рыбы, распространявшийся из кухни.

Убранство комнаты включало кровать, шкаф и тумбочку. Под потолком висела тусклая голая лампочка и подвязанная к кольцу москитная сетка. Стену

украшала отклеивающаяся от картонки журнальная вырезка с изображением полустертого временем пейзажа. Бросив вещи в шкаф, я направился в душ. Там я понял, что вода в этом отеле скоро будет причислена к излишествам: струя была настолько хилой, что поймать ее можно было, только прижавшись к стене, по которой вяло текла вода. От усталости я закрыл глаза. Когда я их открыл, я уже ничего не видел. Вокруг была тьма. Логично: уже было поздно, и всем было пора спать. Наощупь вытерся и улегся. Около 5 утра кто-то стал громко сморкаться в подсобке, расположенной напротив моего окна.

По расписанию завтрак должен был подаваться с 7 утра. Я пришел в столовую в 7:30. Вышедший из кухни заспанный официант сообщил мне, что ночью какие-то бандиты, воспользовавшись отсутствием электричества, ограбили гостиницу. На мой вопрос о том, что можно было украсть в этой гостинице, официант ответил уклончиво, сказав, что это пока выясняется. Тогда я спросил, не украли ли, не дай Бог, завтрак. Официант абсолютно серьезно (из чего я сделал вывод, что такие случаи все же имели место) заверил меня, что завтрак на месте и вскоре будет приготовлен. Хорошо, что Оливер приезжал за мной в 8:30...

Улетал я с местного аэропорта на довольно маленьком самолете. Пейзаж под крылом был мне весьма знакомый по Эфиопии. Через час полета трава стала зеленее и выше. Плато переходило в саванну, по которой были разбросаны зонтичные акации. Вдоль рек и ручьев тянулись рощи. Сели мы на грунтовую полосу среди, как говорится, чистого поля. Трава оказалась выше колена. Было жарко, но сухо. Меня и еще несколько человек поджидал водитель на грузовичке «Лэнд Ровер» времен 2-й мировой с бачками для тормозной и какой-то еще жидкости, расположенными прямо около руля. Нас разместили в кузове, оборудованном скамейками и поручнями для езды стоя. Об один из этих поручней я сильно ударился головой, когда, стараясь впечатлеть окружающих, я отказался от любезно предложенной мне стремянки и «по-спортивному» запрыгнул в кузов. Поразительно, что в этот самый момент я увидел на горизонте жирафа. Это был мой первый увиденный жираф на воле. По-видимому, от удара что-то на краткое время произошло со зрением, так как уже через минуту я не мог разглядеть жирафа даже с биноклем.

Но зато потом пошло-поехало. До лагеря было ехать 13 км, и пока мы ехали, мы насмотрелись вволю всякого копытного зверья. Особенно много было газелей Томпсона и зебр, которые выглядели весьма сытыми, гладкими и чистыми. При подъезде к лагерю проехали через деревню, где живут коренные жители этих краев – массаи, худые и очень высокие люди.

В лагере нас ожидало большое количество тех же массаев, но уже переодетых в служащих лагеря: каждый норовил донести до палатки тощий рюкзак в надежде на вознаграждение за непосильный труд. Палатки оказались настоящими, но внутри были обычные гостиничные кровати и тумбочки, и присоединялись палатки к душевым, сделанным из камня и обложенным плиткой. Стояли эти палатки повышенной комфортности на берегу реки, окаймлявшей весь лагерь как естественное препятствие. Как только я вошел в палатку, в нее сразу же

зашел служащий, которого звали Стив и который только что «вспомнил», что забыл поменять наволочки. Он на всякий случай сообщил, что это именно он старательно приготовил для меня палатку, и что это труд минимум в два раза тяжелее моего рюкзака, который доставил его коллега. Получив чаевые, он сообщил, что в реке водятся крокодилы, а рано утром я могу увидеть бегемотов.

Я посидел немного на скамейке перед палаткой. Прямо подо мной был обрыв и река с коричневой водой. Увидеть что-либо сквозь такую воду было совершенно невозможно. Что вовсе не означало, что меня из этой воды тоже не было видно. Крутая тропинка, ведущая к реке, напоминала о прочитанном из «Жизни животных» Альфреда Брема: «Крокодилы прячутся вблизи тропинок, ведущих к реке, по которым проходят животные на водопой и ходят женщины для черпания воды. Зорко высматривая из засады, они неожиданно бросаются на подкарауленную добычу и утаскивают в воду». «Люди нередко становятся добычей крокодилов. Чаще всего люди подвергаются нападению во время купания или при черпании воды». И если бы крокодил был столь проворен лишь в воде! «Один путешественник рассказывает, - пишет Брем, - как он однажды натолкнулся на крокодила, который лежал в русле высохшего потока, зарывшись в листьях. При виде опасности крокодил бросился убежать напрямик к реке и бежал так быстро, что путешественник не мог догнать его на хорошем верховом верблюде».

Последнее свидетельство, вызывает, однако, определенные сомнения: все-таки верблюды – длинноногие и очень быстро бегают, безусловно, быстрее крокодила. Скорее всего, верблюд не очень старался догнать крокодила. И его можно понять: когда начинается миграция гну из Танзании, крокодилы подстерегают их в местах брода и в течение секунд валят и убивают этих крупных антилоп.

Первый выезд в саванну был в 16 часов на том же Лэнд Ровере. Помимо водителя с нами был «проводник» - массай в национальном красном балахоне по имени Стив. У него были бинокль и рация. Рация сразу пригодилась: по ней Стив получил сообщение о том, что в таком-то месте львицы (львы почти никогда не охотятся) завалили буйвола. Подъехав туда, мы увидели огромное черное туловище убиенного буйвола с распахнутым настежь брюхом и сидящую возле молодую львицу, оставленную охранять добычу. Охранять было от кого: вокруг ходили опьяненные сладким трупным смрадом шакалы и гиены, слетелись стервятники и марабу. Но львице было жарко и скучно, она хотела в тень, под деревья, где лежала ее стая. Но стоило ей удалиться, как к буйволу перелетали стервятники, приближались гиены. Львица разворачивалась и во весь опор бежала к добыче – все разбегались. Мы подъехали к остальной стае – несколькими львицам со львятами и двум львам. Они лежали, тяжело дыша, в тени около еще непересохшей лужи. Львицы показались весьма пыльными, с раздутыми от паразитов животами. Львы выглядели еще непригляднее: туловища их были отвратительно лысые и отливали фиолетовым цветом. На нас они не обратили никакого внимания.

Все звери, в принципе, привыкли не реагировать на автомобили. Они воспринимают их как нечто совершенно безвредное и несъедобное. Но если что-то

или кто-то от автомобиля отделяется – это уже совсем другое дело. Совсем другое. Недаром туристов предупреждают строго-настрого из машины не выходить. В связи с этим нам была рассказана история, которая произошла незадолго до нашего приезда. По этому же заповеднику ездила группа японских туристов на джипе, который они взяли сами на прокат. Как известно, японские туристы, как никакие другие, любят все фотографировать, они беспрестанно щелкают высококачественными своими японскими фотоаппаратами. Так вот, подъехав к завтракающей львиной стае, один из японцев, не удовлетворившись 2 метрами, отделявшими его от хищников, решил выйти из джипа, чтобы заняться макросъемкой львов. Последним нужно отдать должное: они и ухом не повели. Чего нельзя сказать о львицах: когда японец ступил на землю, он не успел сделать ни одного снимка, львицы задрали его на глазах ошеломленных соотечественников, которые чисто автоматически продолжали нажимать на кнопки спуска своих фотокамер.

Вдруг одна из львиц подхватила. Она все-таки краем полусонного глаза наблюдала за добычей и увидела, что пост безответственно оставлен и буйвол растягивается стервятниками. И куда только делся сон! Вмиг все дармоеды были разогнаны, а сама львица любовно привалилась к трупу и продолжила отдых.

Вволю насмотревшись львов, мы отправились дальше. Перемещались мы от лужи к луже, вокруг которых скапливалась одуревшая от жары живность. Некоторые гиены сидели в воде, высунув наружу одни морды с круглыми ушами. В скудной тени неподвижно стояли шакальчики. Среди кустарника носились проворные мангусты. По равнине продолжали ходить стада антилоп и зебр. Наконец, возле одной из луж мы увидели двух буйволов. Рядом с ними никого больше не было. Буйволы только что выкатились в грязи, которая комьями свисала с шерсти. Вид их выражал только одно – тупую злобу (возможно, в них еще жила память о павшем товарище – см. выше), а крутые их лбы внушали мысль о том, что таран для них - дело не только легкое, но и любимое. К ним и мы близко подъезжать не стали: старый грузовичок мог не пережить лобовой атаки.

После этой недолгой остановки мы отправились к двум жирафам, которых заприметили уже давно. Какие же это удивительные животные! Бог, наверное, находился в очень игривом расположении духа, когда создавал их. Вот что пишет Брем о сне жирафа: «Чтобы лечь на землю, жираф сначала сгибает передние ноги, затем задние и ложится на грудь, как верблюд. Во время сна он поворачивается на бок, причем подгибает к животу одну или обе передние ноги, шею откидывает назад, а голову кладет на бедро задней ноги». (Вполне возможно, что это оптимальная поза для сна. Нужно будет попробовать.)

Затем мы поехали к реке, поросшей лесом – искать слонов. Но времени не хватило – нужно было возвращаться на ужин.

За ужином мы узнали, что вечером у костра будет выступать народная танцевальная группа массаев. Приняв душ и надев рубашку с длинным рукавом, я направился к «костру», горевшему поблизости с баром, в котором и расположились все гости. Солнце уже закатывалось, и я захотел перейти по мостику через реку,

чтобы пройти через редкую рощу и пофотографировать закат. Служащий лагеря, он же официант, которого звали Стив, сказал, что это можно сделать только в том случае, если я хочу обогатить историю лагеря роковым случаем, происшедшим «с одним русским туристом». Дело в том, что с наступлением сумерек по противоположному берегу прогуливается слезший с деревьев леопард. Сразу вспомнился Брем: «Его бархатная лапа соперничает по своей мягкости с лапой домашнего кота, но она скрывает очень острые когти; зубы его гораздо сильнее, чем зубы льва. Красивый и гибкий, сильный и смелый, он представляет собой идеального хищника». Брем же цитирует Джона Хантера: «Если с ветки он видит, что не замечен, то и пропустит охотника, не шевельнувшись. Но если человек поднял голову вверх и встретился взглядом со зверем, леопард нападает немедленно...»

Я попросил официанта подтвердить информацию Брема и Хантера. Тот подтвердил самым твердым образом. Тогда я спросил, что будет, если на мне будут черные очки - ведь тогда леопард не встретится со мной взглядом. В ответ было сказано, что это неважно, что леопард почувствует, что я его увидел, и нападет немедленно. А можно ли утверждать, не унимался я, что леопард никогда не нападает на слепых людей – ведь если леопард чувствует, что его увидели, то он должен также чувствовать, что его не увидели? Да и слепой человек не почувствует, что его увидели. Официант не был уверен, но сказал, что действительно не слышал, чтобы леопарды нападали на слепых людей, может быть потому, что слепые редко приезжают на сафари.

Вдруг раздалось прерывистое глубокое мычание: его издавали массаи в национальных (красных) костюмах. Начинался фольклорный танец, который заключался в том, что массаи по очереди и под продолжающееся мычание выходили вперед и несколько раз прыгали на месте, причем каждый раз все выше и выше. Прыгали они действительно очень высоко. И долго, так как каждый из 20 массаев должен был прыгать. Видно было, что массаи любят прыгать.

В 11 часов вечера выключали генератор, так что пришлось пораньше лечь спать. Ночь была лунная и полная всяких звуков. Рядом с палаткой в реке кто-то плескался, отдувался и кряхтел (наверное, от удовольствия). На этом постоянном фоне раздавались рыки нападающих животных и истошные крики их жертв. Под утро хорошо было слышно, как кто-то кого-то ел. Честно говоря, выходить из палатки не хотелось. Даже черпать воду не тянуло.

В 6 часов по палатке постучали: подъем, в 6:30 выезд в саванну. Выпили по чашке кофе – и по джипам. Как я был рад, что я взял с собой кожаную куртку: холодина, особенно на ходу в кузове, была изрядная. Солнце только всходило, кровавое, громадное, но жизнь вокруг кипела вовсю. До наступления жары на равнину вышли все животные, чтобы поесть по прохладце. Из рощ и кустов высыпали все антилопы, газели и зебры. Деловито сновали бородавочники, они напоминали партийных работников среднего звена, изображающих спешку по важному делу. Хотя на самом деле они страшно любопытны. Знакомый южноафриканец рассказывал, как один бородавочник тоже так важно спешил, пока

не увидел как этот южноафриканец играет со своим товарищем в теннис. Бородавочник тут же остановился и уже никуда не уходил, пока не закончил смотреть игру до самого ее конца. Закончив же просмотр, который длился около 2 часов, он принял прежний важный вид и деловито потрусил, правда, уже в направлении, противоположном первоначальному.

Первым делом мы проверили львиную добычу: от буйвола оставались лишь «ножки да рожки», почти все кости были старательно обглоданы, кое-что еще догрызали два льва и два львенка. Рядом лежали уже насытившиеся львицы. Неподалеку терпеливо ожидали своей очереди гиены: когда львы уйдут, они перемелют своими мощными челюстями все кости, и от буйвола не останется даже запаха.

Опять поехали к реке. Издалека заметили одинокого слона размером с Рябчинскую¹ среднюю школу. Удивительно, как вчера его можно было не найти. Гигант был «папашей» - вожаком стада. Папаши не любят шума и гама, которые мешают им спокойно думать (или жевать), и держатся поодаль от своего семейства. Само семейство паслось ближе к реке, поедая траву, кусты и деревья (когда слон не может достать лакомой ветки, он обычно валит все дерево на землю). Мамаши и другие взрослые (или почти) занимались этим серьезно и непрерывно. Подростки же играли друг с дружкой, бодались бивнями, меряясь силой. Один из них был послабее и уступал. В конце концов он отбежал в сторону, затем подошел к слоненку побольше (по-видимому, старшему брату) и что-то сообщил ему на ухо. После чего они, уже вдвоем, вернулись к «победителю» и стали его бодать и толкать. Но делали они это беззлобно и, вскоре проголодавшись, принялись дружно есть. А одному слону не понравилось, что мы слишком близко подъехали: он закричал и захлопал ушами. Но мы уже и так отъезжали.

Продолжая свой путь вдоль реки, мы заметили группу туристов, вышедших из джипа и смотревших вниз на реку. Мы присоединились к ним. Под обрывом была широкая и дурно пахнувшая заводь. Из воды торчали коричневые зады бегемотов. Наевшись ночью прибрежной травы, бегемоты спали. Время от времени они высовывали свои морды, похожие на кожаные чемоданы довоенного производства (сейчас таких не делают), чтобы набрать воздуха, забавно стригли маленькими ушами и вновь погружались. На солнце бегемоты долго быть не могут: у них очень нежная кожа. Я подошел к краю обрыва не без опаски: по статистике бегемоты убивают больше людей, чем любое другое животное в Африке. При этом они – травоядные, т.е. людей они убивают, но не едят. Я думаю, что не последняя причина их агрессивности заключается опять же в их нежной коже, которая является для них источником постоянного зуда и, следовательно, раздражения. Догадка моя основывается на собственном опыте: после душа я испытываю нестерпимый зуд и настолько бываю раздражен, что при малейшей провокации тоже могу убить человека, а, может, даже и бегемота.

¹ Рябчи - родная деревня в Брянской области

Да, пропустил одно красивое существо, которое мы встретили на пути к слонам - гепарда. В отличие от пыльных и засиженных мухами львов, эта кошка выглядит очень гладкой и чистой. Небольшая голова посажена гордо, походка грациозна. Длинный и толстый хвост играет роль стабилизатора, приходя в круговое движение при скорости. А скорость эта достигает 112 км в час. Но при нас гепард не бегал, а медленно ходил, что-то обдумывая свое и не обращая на нас никакого внимания.

Становилось жарко, и нас повезли обратно, на завтрак. После завтрака у нас было пешее сафари до массайской деревни и обратно. Массайские дети красиво пели около школы, которую массаи долго не разрешали, опасаясь (не без основания) того, что их «ученые» дети узнают, что Стив – не единственное имя, расхотят прыгать и покинут саванну. После чего вся массайская культура быстро исчезнет, не оставив после себя ни малейшего следа. Об этом рассказал нам во время похода проводник Стив, который, как и все массаи, был вооружен лишь легким луком, который был похож на те, которые мы делали в детстве с Сашкой Филиным, и 3-4 стрелами (правда, смазанными ядом, от которого, как сказал Стив, кровь в венах затвердевает и перестает течь (со всеми вытекающими отсюда последствиями)).

Я упросил Стива стрельнуть разок неотравленной стрелой, просто так, на дальность. Стрела полетела очень далеко. Стив сказал, что при желании он мог бы попасть в куст, но в нем трудно найти стрелу. Я охотно поверил ему.

После обеда меня отвезли на «аэродром». Около часа я пролежал на деревянной скамейке под навесом посреди колышущейся травы в ожидании самолета. «Аэропорт» сильно напомнил и нашу автобусную остановку на шоссе и станцию в Красной, где мы подолгу ожидали Клетнянского поезда. Самолет на этот раз был очень маленький, хоть и двухмоторный. Экипаж состоял из 2 пилотов, кабина которых не имела даже двери. Самолет взлетел, и я вновь увидел саванну и голубые горы вдаль, за которыми начиналась Танзания, и продолжалась саванна, но уже под другим названием – Серенгети. Пока самолет набирал высоту, я успел увидеть стадо бабуинов в высокой траве. На горизонте маячили жирафы. Под нами враспынную бросилось стадо зебр вперемешку с антилопами. Я подумал, что так, должно быть, выглядела Земля и во всех других местах до того, как человек превратил природу из «храма» в свою «мастерскую».